

Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ В 1852-1855 гг.
(по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева)

Фанагория — «столица» Азиатского Боспора в древности и самый большой и значимый античный памятник на территории Российской Федерации в настоящее время. История изучения Фанагории насчитывает уже более двух столетий и изобилует интересными и подчас неизвестными широкому кругу исследователей подробностями. В данном контексте хотелось бы выделить археологические исследования 50-х гг. XIX столетия. Как известно, раскопки в этот период времени проводились К.Р. Бегичевым под руководством графа Л.А. Перовского. Все данные, полученные в ходе исследований, фиксировались К.Р. Бегичевым в полевом дневнике, который поступил на хранение в Керченский археологический музей. Долгое время подлинник дневника считался утраченным в ходе эвакуации архива Керченского музея в Армавир. Однако этот документ каким-то чудом сохранился. Авторство прямым образом в дневнике не обозначено, однако почерковедческая экспертиза и анализ имеющихся в архиве документов, написанных рукой К.Р. Бегичева, подтверждают что это подлинный дневник [Быковская, 2013. С. 752]. В настоящее время он готовится к публикации и недоступен для исследователей.

Однако уже сейчас можно существенно расширить и дополнить имеющуюся информацию о раскопках К.Р. Бегичева на Тамани. В 2012 г. в Научно-ведомственном архиве ГИМа (НВА ГИМ) автором был обнаружен фрагмент полевого дневника этого исследователя [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6]. Документ состоит из 35 листов машинописного текста с редкими пометами составителей. Скорее всего, эта копия была сделана сотрудниками исследовательской группы Л.П. Харко в 1927-1928 гг., в рамках возобновления археологических раскопок Фанагории под руководством ГМИИ [см.: Панкратова, 2011. С. 347-352].

Важно отметить, что до настоящего времени информация о раскопках этого античного города в 1850-х гг. дошла до исследователей в виде небольших фрагментов. Некоторые фрагменты дневника, касающиеся каких-то значительных открытий, были скопированы и переданы в Государственный Эрмитаж [ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30]. Сведения о раскопках 1853 г. были включены в «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 году» [Извлечение, 1855]. Впоследствии материалы полевых дневников и рапортов К.Р. Бегичева были использованы К.К. Гёрцем при написании работ по

истории изучения и археологической топографии Таманского полуострова [Гёриц, 1870; Он же, 1898].

В 1852 г. Л.А. Перовский возглавил Министерство уделов и Кабинет Его Императорского Величества канцелярии, где по его инициативе было сосредоточено руководство всеми археологическими раскопками в стране. Осознавая важность изучения памятников Таманского полуострова, и Фанагории в частности, он испрашивал высочайшего разрешения начать раскопки на Таманском полуострове в более масштабном размере. В январе 1852 г. он получил согласие Николая I на увеличение финансирования археологических работ. Контроль над раскопками на Таманском полуострове Л.А. Перовский поручил художнику и скульптору Керченского музея древностей Кириллу Родионовичу Бегичеву.

К.Р. Бегичев в 1845 г. по распоряжению керченского градоначальника З.С. Херхеулидзе был допущен к должности скульптора и рисовальщика при Керченском музее. В 1846 г. он был официально утверждён в этой должности, начал проводить археологические раскопки в Керчи и исполнял должность директора музея с 1846 по 1850 гг. и с 1851 до 1853 гг.

Приступив к археологическим исследованиям на Таманском полуострове, каждые две недели К.Р. Бегичев должен был отправлять рапорты Л.А. Перовскому. Результаты своих раскопок исследователь фиксировал в полевом журнале, который начинается с описания мраморного полихромного саркофага, открытого им в 1851 г. в одном из курганов на берегу Таманского залива.

Саркофаг был украшен декором в вид карнизов, выкрашенных красной и голубой с золотом красками. Данный саркофаг представлял собой на тот момент единственный образец античного искусства подобного рода, датируемый IV-III вв. до н.э. [Ростовцев, 1913. С. 44; Тункина, 2010. С. 44]. Технические возможности того времени не позволили сразу извлечь саркофаг из кургана. После того, как необходимое снаряжение было получено от начальника адмиралтейства в Керчи, и К.Р. Бегичев с рабочими вернулся за тем, чтобы достать его, он уже был сильно поврежден. Как писал К.Р. Бегичев в своем полевом журнале, «впоследствии этот саркофаг был окончательно уничтожен казаками» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 5].

В июне 1852 г. К.Р. Бегичев начал раскопки кургана на берегу Таманского залива, располагавшегося неподалеку от того, в котором был найден полихромный саркофаг. Исследователь описывает его как самый большой курган из всех видимых на берегах Таманского залива. У подошвы кургана был сделан раскоп по направлению к центру кургана. На расстоянии 9,6 м от подошвы кургана и на глубине 4,2 м от его поверхности была обнаружена постройка из сырцового кирпича 3,5 м длиной, 3,2 м шириной и 1,7 м высотой. Толстые деревянные брусья, служившие перекрытием данной гробницы, истлели и обрушились вниз. В правом углу погребальной камеры были найдены две амфоры, раздавленные землей. Внутри каждой из них было найдено по золотой подвеске в виде продолговатых

остроконечных шариков с оттиснутыми на них украшениями. Возле амфор было найдено несколько медных наконечников стрел и наконечник железного копья, сильно окислившегося.

Во время расчистки дна погребальной камеры были обнаружены два деревянных гроба с плохо сохранившимися костяками. К.Р. Бегичев описывал их следующим образом: «железные латы покрывали верхнюю часть корпуса мужчины, множество стрел, медных и железных, обломки меча и копий найдены возле левого бока покойника». Гроб мужчины был украшен медными скобами и стоял на медных ножках. Другой гроб содержал остатки женского костяка. Возле костей было найдено несколько золотых бляшек с выпуклыми изображениями, несколько продолговатых подвесок с золотыми шариками и пара серег массивного золота, сделанных в виде змеек с пирамидальными оконечностями. У входа в гробницу лежали один возле другого два больших остроконечных глиняных сосуда в виде амфор, раздавленных землей, в которых было найдено еще по одной такой же золотой подвеске. Третий сосуд малого размера находился несколько далее от входа, но был раздавлен землей. По предположению К.Р. Бегичева, данная гробница уцелела от расхищения потому, что впадина в центре кургана от обрушившегося деревянного перекрытия была принята за грабительскую яму. Курган датируется второй половиной V в. до н.э. [Сорокина, 1957. С. 13].

Раскопки были продолжены в соседнем кургане с такой же впадиной. В самой впадине был заложен раскоп, в котором на глубине 5,3 м были обнаружены ряды сырцового кирпича. Они были перекрыты деревянными брусьями, которые провалились от давления земли в погребальную камеру. В ней на дне был зафиксирован толстый слой гнилого дерева. На некоторых его частях сохранились следы розовой, голубой, серой красок. Под слоем дерева, на полу, устроенном также из сырцового кирпича, лежал истлевший костяк, «одетый в стальной панцирь чешуйчатообразного устройства». Слева от него было найдено порядка 160 наконечников стрел, сильно окислившихся и слипшихся вместе, а также обломки железных наконечников копий и фрагментированный меч. Рядом были обнаружены золотая бляшка с оттиснутым изображением звездочки и большое количество слипшихся стрел, лежащих, по-видимому, у другого, совершенно истлевшего костяка, одетого так же в чешуйчатый панцирь. Возле второго комка стрел оказались еще две золотые бляшки, одна с изображением мухи, другая с мужской комической маской. На некотором расстоянии влево был найден еще один покойник, одетый в такой же панцирь, у его ног были найдены большая глиняная чашка простой работы и маленькая чашечка с ручками, покрытая черным лаком с ручками (килик – Е.3.). В изголовье костяков находилась перегородка из сырцового кирпича, за которой было зафиксировано пять костяков лошадей. На черепах лошадей сохранились бронзовые узды простой работы, плохо сохранившиеся. С правой стороны гробницы оказалась еще одна перегородка из сырцового кирпича, за которой было обнаружено ещё 6 костяков лошадей. На их черепах были

зафиксированы аналогичные первым медные узды. Весь погребальный комплекс занимал 25,6 кв.м. Согласно М.И. Ростовцеву, данное погребение носит чётко выраженный скифский характер [Ростовцев, 1925. С. 350]. Ближайшие аналогии ему он усматривал в погребениях из Семибратних курганов. С западной стороны подошвы этого же кургана была открыта каменная расхищенная гробница. Стены этой гробницы были оштукатурены и покрыты бледно-красной краской.

По мнению Ю.А. Виноградова, данные захоронения принадлежат «среднему классу» варварской аристократии [Паромов, 2000. С. 42; Виноградов, 2001. С. 81; Горончаровский, 2013. С. 74]. Скорее всего, к группе варварских захоронений относился еще один курган. Его гробница была полностью ограблена, но отмечается, что перед входом в нее был обнаружен скорченный костяк без вещей. Вероятно, это был умерщвленный слуга или раб [Граков, 1971. С. 78; Долгоруков, 1984. С.97].

В другом кургане, лежащем на берегу залива, К.Р. Бегичевым была открыта гробница из сырцового кирпича с круглым кирпичным сводом, обрушившимся, вероятно, от давления насыпи. Гробница была расхищена, ее дно было покрыто слоем золы, что свидетельствует о кремировании покойника.

«Третий» курган (нумерация курганов приводится по полевому журналу К.Р. Бегичева — Е.З.), лежащий поблизости от предыдущего, был разрыт до основания, но кроме гробницы на расстоянии 1,4 м от материка в нем ничего не оказалось. В этой гробнице в слое золы были отысканы одно массивное золотое кольцо и несколько железных и медных гвоздей от гроба. На материке было открыто несколько круглых ям, наполненных золой, но без признаков погребений. Таких ям было открыто семь, две были наполнены золой, перемешанной с ракушками, остальные содержали чистую золу. Как писал К.Р. Бегичев, «значение этих ям не имеет важности, так как гробница была устроена на насыпи над ними» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 3]. Скорее всего, эти ямы наверняка несли в себе некий сакральный смысл.

В 1852 г., после окончания своего путешествия по Кавказу, Л.А. Перовский посетил станцию Сенную в компании с Н.И. Надеждиным и князем А.А. Сибирским. Специально к его приезду были подготовлены два кургана для их наглядного вскрытия. В одном из них было найдено богатое женское погребение с набором фигурных полихромных лекифов [Передольская, 1937; Паромов, 2004; Виноградов, Шауб, 2007; Застрожнова, 2012. С. 203-207]. В погребении, помимо богатого набора погребального инвентаря, у ног женщины располагались четыре фигурных полихромных лекифа: один в виде Диониса, один в виде крылатого божества и два в виде менад [ДБК, 1854. Л. LXX]. К.Р. Бегичев следующим образом описывал эти сосуды: «первая из этих статуэток, образующая сосуд с тонким горлышком, представляет собой крылатого гения, по-видимому, гения жизни или смерти, если это не есть только особое представление Меркурия, путевого проводителя душ и воскресителя мертвых. Другая статуэтка изображает юного Ваखा. Внутренняя пустота, широкое

горло и ручка позади составляют из этой статуэтки кружку, подходящую к разряду ритонов, сосудов для питья. То же значение имеют и две остальные статуэтки, представляющие пляшущих вакханок».

Рядом с этими сосудами была найдена пара глиняных крыльев, окрашенных голубой краской и разломанных на четыре части. К.Р. Бегичев отмечал, что «их отдельное положение вместе с нарочным изломом ясно указывает на их аллегорическое значение в погребальном обряде. Значение это, вероятно, имеет связь с орфической идеей о превращениях души, давшей начало мифу о Психее». Весь набор фигурных лекифов из этого погребения связан с представлениями о загробном мире, с образом «освободителя душ» Диониса и с идеями возрождения после смерти [Виноградов, Шауб, 2007. С. 224]. Современными исследователями погребение датируется второй четвертью IV в. до н.э. [Кобылина, 1956. С. 21; Паромов, 2004. С. 309].

По указанию Л.А. Перовского с плана данного погребения и соответствующего фрагмента полевого журнала К.Р. Бегичева были сделаны копии и переданы министру Императорского двора, графу А.П. Шувалову. Тот в свою очередь отправил их 20 октября 1852 г. заведующему I Отделением Императорского Эрмитажа Ф.А. Жилу. В настоящее время эти документы хранятся в Отделе рукописей Государственного Эрмитажа [ОР ГЭ. Ф. 1. Оп. I-1852. Д. 30].

Продолжая далее раскопки в этом кургане, К.Р. Бегичев писал: «В середине этого же кургана, несмотря на бывшую там деревянную вежу, показавшую по мнению нашему центр кургана, где должна находиться главная гробница, по углублении до материка ничего уже не открыто — далее с двух других сторон кургана, прорезанного от востока к западу равным образом, ничего не открыто. Вследствие сего надобно предполагать что первоначально здесь было два кургана, принадлежавших быть может одному семейству и заключавших в центре своем каждый описанные здесь гробницы и соединенные уже впоследствии, и, что вежа видимая при раскопке этого кургана, вероятно, показывала центр их соединения» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 6].

В одном из четырех раскопов, заложенных в присыпи этого кургана, была открыта гробница, вырытая в материке и выложенная сверху «нежженным кирпичом на поларшина (0,3 м), крыша ее была деревянная, внутри были заметны остатки гроба и отысканы несколько глиняных рельефных украшений, большей частью раздавленных землей, представляющих раскрашенные изображения голов Медузы». В другой земляной гробнице были погребены четыре ребенка и женщина. Женский костюм располагался в деревянном гробу, у ног женщины находились два детских костюма, еще один детский был найден у изголовья и два детских — сбоку от гроба. В гробу были обнаружены: две сережки из золотой проволоки с подвеской в виде вазочки, украшенные голубыми и зелеными камешками; пять золотых колец и глиняный светильник.

Раскопки были продолжены в другом кургане, находящемся «по левую руку»

от кургана с полихромными сосудами. Раскоп был заложен с северо-восточной стороны кургана, где находилась большая впадина. На глубине 6,7 м были обнаружены слои камня, идущие к центру кургана. Вскоре была обнаружена грабительская мина, ведущая к гробнице, вырытой в материке и покрытой несколькими слоями камки. В гробнице были найдены фрагменты алабастрид и бронзовые крючки от украшений гроба.

В другом раскопе, с северной стороны кургана, на глубине 1,4 м от поверхности была открыта гробница, боковые стенки которой были выложены сырцовым кирпичом. Длина гробницы — 2,1 м, ширина — 1 м. В гробнице, с правой стороны костяка, ориентированного головой на восток, лежал железный меч без украшений, возле левого плеча находился килик, возле левой руки — бронзовый киаф. В ногах была найдена серебряная чашечка с рельефными украшениями, почти совершенно истлевшая, кроме того, на дне гробницы было зафиксировано несколько медных наконечников стрел. У центра кургана, в материке была открыта еще одна гробница, занимавшая не более квадратного метра, в ней был обнаружен костяк в скорченном положении, без вещей. В третьем раскопе, с южной стороны кургана была открыта сырцовая гробница площадью 2 кв.м. В ней находились 4 лошадиных костяка, лежавших головами на юго-восток. У голов лошадей было найдено несколько медных конских узд.

В другом кургане на берегу Таманского залива, с южной стороны в материке была обнаружена каменная гробница длиной 2,4 м, шириной 0,93 м. Как отмечал К.Р. Бегичев, крыша этой гробницы располагалась «под прямым углом, вертикально сведенной над центром гробницы», причем «этот род постройки, крытой наподобие домашней кровли, встречается еще в первый раз, как на Европейском, так и на Азиатском берегу Боспора» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 8]. Вход находился в западной поперечной стенке гробницы «и лежал на два ряда камня снизу, имея в ширину 12 вершк. (53 см) внизу, 9 вершк. (40 см) вверху и 1 арш. 2 вершк. (78 см) высоты, представляя собой усеченный конус». Гробница оказалась ограбленной, в ней были найдены лишь фрагменты простой керамики, несколько медных наконечников стрел и одна монета «типа Пантикапеи».

Исследования курганов было запланировано продолжить в следующем году, однако, по воле случая, пристальный интерес археологов в 1853 г. привлекло городище.

В 1853 г. при добыче камня работниками казака Семеняки в одной из насыпей, на расстоянии 426 м от его хутора, были обнаружены база колонны, нижняя часть гермы и мраморный пьедестал статуи с посвянительной надписью Кассалии, дочери Посия Афродите Урании [ДБК, №6; КБН, №972]. К.Р. Бегичев писал по этому поводу: «Находка эта дает повод думать, что вблизи этого места находился в древности храм в честь почитаемой богини, что подтверждается также многими мраморными плитками и остатками древней штукатурки, находимыми в этом

месте в большом количестве при добывании камня здешними жителями». В этой насыпи было заложено два раскопа, один со стороны Таманского залива, где и был найден пьедестал с надписью, другой — со стороны дороги на восточной покато-сти насыпи. В первом, на глубине 0,7 м начался культурный слой, состоящий из строительных обломков, а также фрагментов керамики. По мере углубления, слои из строительного мусора перемежались со слоями золы. Было найдено 5 окислившихся монет и фрагментированный чернолаковый светильник. На глубине 4,2 м была обнаружена круглая яма диаметром 4,5 м и глубиной 1,7 м. Она была заполнена золой, перемешанной с обломками черепицы. По утверждению казака П.Д. Семеняки, нашедшего пьедестал, он располагался как раз над этой ямой.

Во втором раскопе в культурном слое встречались фрагменты простой керамики, а также обломки чернолаковых и расписных сосудов. На глубине 1 м были найдены фрагменты цветной штукатурки, три медные, сильно окислившиеся монеты и бронзовая ручка от сосуда. Далее К.Р. Бегичев отмечает, что на глубине 1,4 м «открылась сплошная масса окаменелого песчаного хряща, которая, идя диагонально через весь разрез, поворачивает под прямым углом и скрывается в насыпи». Близ этого «окаменелого» массива было обнаружено углубление с обожженными краями, составляющее в длину 2 м. Археолог предположил, что: «углубление составляло род печи, служившей для выжигания глиняной посуды и черепицы» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 12].

По мере дальнейших раскопок оказалось, что «каменистый пласт, обнаруженный выше, оказался просто пластом в сажень (2,1 м) толщиной без всякого значения». К этому разрезу была сделана прирезка, и в ней на глубине 0,7 м были найдены «две сложенные из штучного камня стенки, служившие, как видно, основанием какой-нибудь позднейшей постройки». Возле одной из них была зафиксирована мраморная плита, длиной более 1 м, украшенная карнизом.

Помимо этого, в насыпи было разбито еще несколько раскопов, на самой вершине и у ската. В раскопе у ската насыпи на глубине 1 м был открыт фундамент из «тёсаных камней с выделанным на нем сверху углублением, составлявшим, по-видимому, водосточный жёлоб». Один конец «жёлоба» уходил в насыпь, у другого был обнаружен большой пифос со следами ремонта, раздавленный землей. Также в районе желоба были найдены мраморные обломки, представляющие собой «колонку, низ которой был обделан карнизом», и три мраморных капители.

Работы были продолжены в соседней насыпи, высотой 16,5 м. В ней было заложено два раскопа. В первом, с северо-восточной стороны насыпи, песчаный слой, перемешанный с черноземом и множественными вкраплениями фрагментов керамики, уходил вглубь на 1,5 м. В нем были обнаружены сероглиняный светильник, две медные монеты и оселок. Во втором раскопе, заложенном на вершине насыпи, на глубине 2 м был обнаружен фрагментированный железный меч, располагавшийся вертикально. Кроме того были найдены: агатовая бусина, терракотовая статуэтка в виде мужской фигуры, опирающейся на колонну, и 12 монет. По мере углубления

еще на 2,8 м в раскопах был зафиксирован материк, и исследования были перенесены в соседнюю небольшую насыпь. В ней на протяжении 3,5 м в глубину фиксировался слой золы, перемешанный с фрагментами керамики. Далее, на протяжении 0,5 м в глубину, уходил слой перегорелого строительного мусора. Затем на глубине 4 м показалась кладка из обгорелого сырцового кирпича шириной 0,2 м. Кладка эта была выложена в виде правильного круга, имеющего до 4 м в диаметре. Перед этой кладкой была обнаружена другая кладка из сырцового кирпича, выложенная в виде неправильного параллелепипеда [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 3]. Скорее всего, на данном участке была открыта первая фанаторийская гончарная печь. Для полного вскрытия круговой кладки была сделана прирезка в сторону Таманского залива площадью 8,5 кв. м. В верхних слоях данной прирезки было открыто два костяка без инвентаря.

Что касается раскопок в насыпях к востоку от хутора Семеняки, то там, скорее всего, работы были начаты на территории восточных некрополей Фанатории. Уже в первом заложенном раскопе была зафиксирована яма, на дне которой была открыта земляная гробница. В ней у ног погребённого, ориентированного головой на север, был обнаружен стеклянный унгентарий. После расчистки гробницы работы в данной насыпи были прекращены и перенесены на соседнюю насыпь, несколько меньшего размера.

В этой насыпи, «на глубине 1 аршин (0,7 м) от поверхности были найдены четыре каменные плиты, две из которых были поставлены на ребро. Возле этих плит была зафиксирована земляная гробница, в ней у ног погребенного было найдено два простых глиняных кувшинчика» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 11 об.]. Неподалеку была зафиксирована детская земляная гробница. У черепа ребёнка была найдена монета, К.Р. Бегичев указывает только изображение на реверсе: колчан–лук–ПАН. Согласно В.А. Анохину, монеты с данной легендой датируются первой половиной IV в. до н.э. Затем на глубине 1,4 м были открыты две земляные гробницы. Костяки были очень плохой сохранности, инвентаря при них не оказалось. К.Р. Бегичев отметил, что «несколько глубже» были найдены глиняный кувшинчик с одной ручкой и небольшая глиняная чашечка. По углублению еще на 0,4 м показался песчаный материк, после чего работы были перенесены на другую сторону насыпи.

Там, в новом раскопе на глубине 1 м была обнаружена небольшая гробница, обложенная каменными плитами. В ней находились два плохо сохранившихся костяка, причем голова одного находилась у ног второго (так у К.Р. Бегичева — Е.З.). «Ниже» были зафиксированы две земляные гробницы, в одной из них была найдена медная монета. На глубине 2,4 м были найдены фрагментированное медное зеркало, монета и поврежденный стеклянный флакон. По мере углубления еще на 0,4 м был зафиксирован глинистый материк, на нем располагались три каменные плиты, возле одной из них были обнаружены следы деревянного гроба и «маленькая вазочка, украшенная квадратами». Как оказалось, данные плиты служили

закладом для катакомбы, вырытой в материке: ее высота — 2,1, ширина — 2,1 м, длина — 2,6 м. Катакомба оказалась расхищенной, в ней были найдены только фрагменты медных браслетов и две бусины.

В конце августа раскопки сплошных насыпей были приостановлены из-за отсутствия нужного количества тачек. Как писал К.Р. Бегичев: «До времени изготовления новых тачек работы были перенесены на местность, лежащую над берегом Таманского залива по правую сторону от хутора Семеняки, для окончательного расследования некоторых насыпей, разрытых уже в прошлое время гг. Ашиком и Карейшей» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 16 об]. В одной из этих насыпей под руководством К.Р. Бегичева и А.Е. Люценко был обнаружен двухкамерный каменный склеп, в котором были похоронены мужчина и ребенок. При погребённых были обнаружены стеклянные сосуды и меч с рукояткой, украшенной халцедонами и гранатами [Марти, 1926. С. 65; Ростовцев, 1925. С. 271].

В мае 1855 г. К.Р. Бегичевым были продолжены работы в трех небольших насыпях, которые он планировал исследовать еще в 1853 г. Эти насыпи располагались напротив хутора Семеняки между лиманами Таманским и Ахтанизовским, поблизости от Майской горы.

В одной из них, на глубине 1,6 м была открыта земляная гробница на 0,4 м, впущенная в материк. Погребённый, ориентированный на восток, находился в совершенно истлевшем деревянном гробу, покрытом сверху слоем камки. Возле черепа была найдена серебряная серьга змеевидной формы с пирамидальными оконечностями, а также раздавленная алабастрида. На шее была обнаружена подвеска в виде дутой золотой львиной головы; на груди находилась золотая четырехугольная пластина с оттиснутым на ней изображением крылатого сфинкса и три бусины. У левой руки сохранилось золотое кольцо с вырезанным на нем изображением крылатой мужской фигуры с повязкой в одной руке и венком в другой. У ног умершего было найдено сильно окислившееся бронзовое зеркало [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 18]. Подобный набор интересных находок позволяет предположить, что гробница не была ограблена. В этой же насыпи, на глубине 2,6 м, были обнаружены чернолаковая погребальная урна с двумя ручками и амфора, раздавленные землей.

В материке этой же насыпи была открыта земляная гробница с плохо сохранившимся костяком, ориентированным головой на восток. У рук находились несколько чернолаковых вазочек, украшенных пальметками и геометрическим орнаментом, а также один глиняный флакон. Там же в материке была зафиксирована еще одна земляная гробница «с прахом покойника, хорошо сохранившимся и замечательно рослым». Костяк был ориентирован на восток, ноги согнуты и отведены в сторону, дно могилы было покрыто белым песком. У левой руки умершего располагались сосуды из финикийского стекла, у бока — обломки железного меча. В ногах была обнаружена большая глиняная миска, раздавленная землей.

Во второй насыпи на глубине 0,8 м от поверхности была открыта земляная

гробница. Умерший был ориентирован головой на восток. У правой руки был найден глиняный кувшин, у пояса — бронзовое пряжечное кольцо. На расстоянии 1,4 м от указанной гробницы и на глубине 1 м от поверхности насыпи была открыта в материке еще одна земляная гробница. В изголовье погребённого было найдено более 30 астрагалов. У левого бока располагался колчан с медными и железными наконечниками стрел. От правого бедра к левой руке, наискось, лежал широкий меч в ножнах. Вдоль правого бока находились три железных наконечника копий, прикрепленные к истлевшим древкам медными кольцами. В правой руке был найден бронзовый истлевший стригиль. У ног погребенного располагалась фрагментированная амфора, возле нее были найдены чернолаковый килик и киаф. К.Р. Бегичев определил данное захоронение, как «могилу воина» [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 18 об]. Судя по описанию, здесь действительно мог быть похоронен один из фанагорийских воинов.

В третьей насыпи было обнаружено несколько жжёных точек. В одном из них находилась глиняная урна с тремя ручками, покрытая сверху отбитым дном другого сосуда. В урне, помимо перегоревших костей, были найдены фрагменты сосуда из финикийского стекла, бронзовый стригиль, одно золотое и два серебряных кольца, серебряный перстень с сердоликом и вырезанным на нем изображением воина, стреляющего из лука, три серебряных браслета, «кусочек коралла, перевязанного серебряною проволокой для ношения на шее»; несколько подвесок, две из них в виде «фигурки дракона» и «рыбки»; фигурка грифона из слоновой кости, также перевязанная проволокой для ношения на шее. Рядом с урной была найдена терракота первой половины IV в. до н.э., в виде уродливой мужской фигуры, возлежащей на ложе [№37 по: Кобылина, 1974] и фрагмент основания от другой терракоты. В этом же раскопе было найдено несколько земляных гробниц. В одной из них было найдено шесть маленьких вазочек у рук умершего. Остальные погребения оказались безынвентарными. Здесь же, в материке была открыта жжёная гробница, выложенная черепицей. В ней, кроме перегоревших костей покойника, ничего найдено не было [НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б. Д. 6. Л. 19]. В общем, следует отметить, что в данных насыпях были открыты достаточно интересные и в большинстве своем не тронутые грабителями погребения.

После 1855 г. К.Р. Бегичев не проводил больше раскопок на территории Фанагории, а в 1856 г., в связи с начавшейся Крымской войной и прямой угрозой захвата Керчи, Министерство уделов предписало прекратить раскопки как в Керчи, так и на Таманском полуострове. К.Р. Бегичев, плодотворно проработав в Керченском музее 16 лет, скончался в 1862 г., в возрасте 43 лет от чахотки, не имея достаточных средств на лечение.

Характеризуя этот этап в истории археологического изучения Фанагории, следует отметить, что впервые было намечено примерное местонахождение самого городища и начаты раскопки на его территории. В ходе раскопок были открыты

слои орденового городского строительства, хозяйственные комплексы и гончарная печь. Впервые были начаты раскопки на территории Восточного некрополя Фанагории. При исследованиях сплошных насыпей применялись те же методические приемы, что и при раскопках курганов. Раскопы (разрезы) закладывались у основания, с покатой стороны, либо в центре насыпи. Если некий строительный комплекс уходил в борт раскопа, то к нему делали прирезку (приемку или перерез). Бур (щуп) использовался К.Р. Бегичевым сравнительно редко. Достаточно четкая документальная фиксация полевого этапа работ и описание найденного археологического материала позволяют, конечно, с определенной долей условности, восстановить утерянные до сего дня археологические комплексы. Следует признать, что по своему методическому уровню археологические раскопки К.Р. Бегичева превосходили предыдущие исследования, проведенные А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей (1838-1843 гг.; 1845-1847 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // БФ. 2007. С. 220-223.
- Гёриц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1870. 128 с.
- Гёриц К.К.* Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года. СПб., 1898. 152 с.
- Горнчаровский В.А.* Престижные предметы из погребальных комплексов синдской аристократии // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 73-78.
- Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. 170 с.
- Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее. Эрмитаж. Т. 1-2. СПб., 1854. Т. 1. 279 с. Т. 2. 340 с.
- Долгоруков В.С.* Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР. Т. 9., М., 1984. 392 с.
- Застрожнава Е.Г.* Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 года: к истории открытия // Российская археология. – М., 2012. № 1. – С. 203–207.
- Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб. 1855.
- Корпус боспорских надписей. М. – Л., 1965. 951 с.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. (Придонье и Таманский полуостров). САИ. 1974. Вып. Г1-11. 60 с.
- Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. 100 с.
- Панкратова (Застрожнава) Е.Г.* Из истории археологического изучения Фанагории в 20-х гг. XX в. // Археологические вести. 2011. Вып. 17. С. 347-352.
- Паромов Я.М.* Скифские погребения на Таманском полуострове // Таманская старина. 2000. Вып. 3.
- Паромов Я.М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами //ДБ. 2004. Т. 4.
- Передольская А.А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1937. 160 с.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. М., 1925. 621 с.
- Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.
- Тункина И.В.* История изучения // Античное наследие Кубани. 1 т. М., 2010. С. 20-129.

О.Г. Застрожнава

АРХЕОЛОГІЧНІ РОЗКОПИ ФАНАГОРІЇ У 1852 -1855 рр.
(по матеріалах польового журналу К.Р. Бегічева)

Резюме

Історія археологічного вивчення Фанагорії нараховує вже більш двох століть та рясніє невідомими широкому колу дослідників подробицями. Так, довгий час вважався втраченим польовий щоденник К.Р. Бегічева, в який дослідник вносив інформацію про свої розкопки на території Керченського та Таманського півостровів у 1852 – 1855 рр. Відносно недавно оригінал щоденника був знайдений у Архіві Керченського музею. Нині цей документ готується до публікації та недоступний для дослідників.

У 2012 р. у Науково-відомчому архіві ГІМу автором була виявлена копія фрагменту щоденника К.Р. Бегічева про розкопки городища та некрополів Фанагорії. Ця копія була зроблена у 1927-1928 рр. співробітниками дослідницької групи Л.П. Харко в рамках відновлення археологічного дослідження «столиці» Азіатського Боспору.

Оскільки під керівництвом К.Р. Бегічева були вперше вжиті розкопки городища та відкриті унікальні похоронні комплекси, інформація з його польового щоденника представляється край важливою для вітчизняного боспорознавства.

Е.Г. Застрожнава

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ В 1852-1855 гг.
(по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева)

Резюме

История археологического изучения Фанагории насчитывает уже более двух столетий и изобилует неизвестными широкому кругу исследователей подробностями. Так, долгое время считался утраченным полевой дневник К.Р. Бегичева, в который исследователь заносил информацию о своих раскопках на территории Керченского и Таманского полуостровов в 1852-1855 гг. Относительно недавно подлинник дневника был найден в Архиве Керченского музея. В настоящее время этот документ готовится к публикации и недоступен для исследователей.

В 2012 г. в Научно-ведомственном архиве ГИМа автором была обнаружена копия фрагмента дневника К.Р. Бегичева о раскопках городища и некрополей Фанагории. Эта копия была сделана в 1927-1928 гг. сотрудниками исследовательской группы Л.П. Харко в рамках возобновления археологического исследования «столицы» Азиатского Боспора.

Поскольку под руководством К.Р. Бегичева были впервые предприняты раскопки городища и открыты уникальные погребальные комплексы, то информация из его полевого дневника представляется крайне важной для отечественного боспорovedения.

E.G. Zastrozhnova

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN PHANAGORIA IN 1852-1855
(BASED ON AN EXCAVATION JOURNAL OF BEGICHEV K.R.)

Summary

The history of archaeological research of Phanagoria has more than two centuries and abounds details unknown to a wide range of researchers. So, a great while an excavation journal of Begichev K.R., in which the scientists recorded information about his excavations in the Kerch and Taman peninsulas in 1882-1855, was considered to have been lost. Relatively recently, the original journal has been found in the archives of the Kerch Museum. Currently, this document is being prepared for publication and is not available to researchers.

In 2012, the author found a copy of a fragment of Begichev's journal on excavation of the settlement and necropoleis of Phanagoria in the Scientific and departmental archives of the State Historical Museum. This copy was made in 1927-1928 by members of the research group of Kharco L.P., under renewed archaeological research the «capitals» of the Asian Bosphorus.

As Begichev K.R. made his first attempts to excavate the settlement and discovered unique funerary complexes, the information of his excavation journal is extremely important for the domestic studies of the Bosphorus.